

УЧЕНЫЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН И ТОКАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 10-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ С. А. ТОКАРЕВА

19 апреля 1995 г. исполнилось 10 лет со дня кончины выдающегося русского ученого Сергея Александровича Токарева. В честь его памяти в Институте этнологии и антропологии РАН состоялась заседание Ученого совета и конференция «Токаревские чтения».

Во вступительном слове А. С. Арутюнов напомнил нам об успехах и заслугах С. А. Токарева перед отечественной наукой, говорил о высоких личных качествах ученого.

В. Н. Басилов выступил с докладом «С. А. Токарев как представитель русской культуры».

Далее состоялась презентация книги «Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке»¹. В этой книге помещены краткие биографические сведения о Сергее Александровиче, воспоминания людей, которым довелось работать рядом с ним. Очень эмоционален очерк В. П. Алексеева «С. А. Токарев: личность в науке», где автор справедливо выделил главные характерные черты ученого: это «...совершенно феноменальная ... совершенно безграничная... постоянно пополнявшаяся эрудиция ученого»²; это максимально объективная оценка всего многообразия реального мира и отсюда — скрупулезное изучение фактов, уважительное отношение к достижениям и мнению коллег. В своих воспоминаниях В. Н. Басилов рассказывает о том влиянии, которое оказывал профессор на своих студентов: «Это большая удача для молодого человека — встретить в самом начале своего пути Учителя, который стоял бы выше забот о карьере и служебных дряг и своим образом жизни естественно утверждал бы высокую ценность интересов, лежащих в сфере науки и культуры в целом»³.

С. А. Токарев в стенах Института этнографии руководил последовательно несколькими секторами: Народов Америки, Австралии и Океании, Славянских народов, Народов Зарубежной Европы. Специалисты этих профилей поместили в книгу свои воспоминания о совместной работе, рассказали о том влиянии, которое оказывало присутствие С. А. Токарева на каждый коллектив — и как научного руководителя, и как человека высоких нравственных правил. Такова статья Н. А. Бутинова «Токарев — австралиец и океанист»: автор показал, сколь критично подходил Токарев к схематичным построениям Л. Моргана, который свел семейные отношения в первобытном обществе к брачно-половым. В те времена, когда разработка Моргана была приписана к теории Энгельса и возведена в догму, критическое отношение к ней характеризовало ученого как непреклонного поборника фактов и искателя истины.

Сотрудник сектора этнографии Народов Зарубежной Европы Л. В. Маркова обратила внимание на способность С. А. Токарева определять главные направления в науке и видеть пути ее дальнейшего развития. Она охарактеризовала Токарева как «генератора идей», притом идей жизненных и существенных. Она раньше многих коллег подметила узвимость категории «народность», критически относилась к разграничению наций на капиталистические и социалистические, указывала на главные направления в изучении продвинутого в социальном и технологическом плане этносов, в частности народов Европы: выделял те стороны их многообразного бытия, которые регулируют поведение и мышление наших современников.

Парадигма этнографического изучения народов индустриальных стран, разработанная С. А. Токаревым, изложена в статье покойного Л. П. Лашука «Научный феномен профессора С. А. Токарева». Пафос этой статьи заключается в доказательстве актуальности мнений и размышлений Сергея Александровича для наших дней.

Сергей Александрович Токарев получил мировую известность как историк и исследователь религии. Эта сторона его деятельности отражена в статьях Т. Н. Дмитриевой «С. А. Токарев о первобытной мифологии» и В. Ю. Лещенко «О функциях религии в первобытном обществе (С. А. Токарев — религиовед)».

В начале своей научной карьеры Токарев работал в Центральном музее народоведения (позднее преобразован в Музей народов СССР) и в Центральном антирелигиозном музее. Небольшая статья И. В. Тарасовой «С. А. Токарев и музейное дело» живо воспроизводит музейную жизнь 1930-х гг. и принципы, которых придерживался Сергей Александрович при организации экспозиции по верованиям австралийцев, меланезийцев, полинезийцев, по шаманству и др. Ему было присуще «чувство вещи»,

когда главную роль в показе темы играют не плоскостные материалы, а предметы (Токарев прекрасно знал музейные фонды).

Шестнадцать лет (с 1957 по 1973 г.) профессор Токарев руководил кафедрой этнографии МГУ, а в общем на преподавательской работе он был занят с 1939 г. Сегодняшние преподаватели кафедры поместили в книге интересные воспоминания об Учителе: нынешний заведующий кафедрой В. В. Пименов начал воспоминания со своего первого студенческого 1950/51 учебного года. Он отметил чрезвычайную информативность всех лекций любимого профессора, его умение развить любознательность в молодом начинающем ученом. К. И. Козлова подчеркнула атмосферу доброжелательности и деловой заинтересованности, какую сумел создать заведующий в своем коллективе. Н. Ф. Мокшин — ныне один из известных исследователей этнографии мордвы — опубликовал письма к нему Сергея Александровича, назначенного официальным оппонентом по его кандидатской диссертации. В них видна огромная неусыпная забота маститого ученого о научном воспитании начинающего коллеги и абсолютно бескорыстная щедрая помощь. И. С. Гурвич, который выезжал в свою первую этнографическую экспедицию в 1938 г. под руководством С. А. Токарева, рассказывал о нем как о заботливом руководителе, о том, насколько самостоятелен был ученый в своих суждениях, независим от устоявшихся догм, как способствовал развитию дискуссий на серьезные темы, в частности в области религиоведения.

Многие авторы подчеркивали необычную эрудицию Токарева и его готовность постоянно делиться своими знаниями с каждым, кто в этом нуждался (очень характерно заглавие статьи М. Г. Рабиновича: «...Вот был бы жив Токарев, он сразу бы сказал...»). И почти все отмечали как главные душевные качества Токарева его открытость и человечность, чистоту помыслов и в то же время обостренное чутье ко всякой несправедливости, готовность отстаивать свои убеждения.

Вторая часть книги особенно интересна: опубликованы отрывки из дневников С. А. Токарева, которые он вел практически всю сознательную жизнь (начал в юности, последняя запись — за месяц до кончины). Образ ученого, мыслителя, гражданина, воспитателя молодежи встает с этих страниц. Редакторы-составители проделали большую работу, отобрав из огромной рукописи небольшие фрагменты, которые «...прежде всего характеризуют громадную, многогранную, научную и профессорскую деятельность Сергея Александровича Токарева, а также те, что дают хотя бы некоторые представления о нем как о человеке, личности...»⁴. По существу вся или почти вся история этнографической науки за шестидесятилетний период отражена в этих записях — все сложности, препятствия, поражения, преодоления, столкновения теорий и мнений. Справедливо говорили участники заседания о необходимости тщательного изучения и публикации дневников ученого-мыслителя, как и всего его научного наследия.

Редакторы книги — П. И. Пучков и С. Я. Козлов, представляя книгу присутствовавшим на Ученом совете, рассказали о длительном периоде работы над нею и о трудностях ее издания (книга издана способом малой печати Институтом этнологии и антропологии РАН тиражом в 300 экз.).

Переходя от представления книги к характеристике личности С. А. Токарева, П. И. Пучков назвал его великим российским ученым, исследователем большого масштаба, обладавшим даром предвидения (например, он предположил, что полинезийцы знали гончарство в отдаленные периоды своей истории; исследования последующего времени подтвердили это предположение). Многие работы, создававшиеся в тот период, когда протекала деятельность ученого, вольно или невольно обнаруживают сильное давление официальной идеологии, в отличие от них работы Токарева остались и поныне верными и нужными всем.

Заведующий кафедрой этнографии МГУ В. В. Пименов говорил о благодарной памяти, которую оставил профессор Токарев в анналах университетской науки. Он сообщил, что на кафедре каждый год в декабре (месяц рождения Токарева) проводятся Токаревские чтения силами студентов факультета.

Г. В. Цулая поделился своими воспоминаниями о первой встрече с С. А. Токаревым в 1961 г. в Сухуми: Токарев выступал в Сухумском краеведческом музее. Оратор утверждал, что Токарев — классик нашей науки, его труды, как и всякого классика, не могут устареть, даже его ошибки поучительны. «Ученый и после своей смерти продолжает жить в своем творческом коллективе, если он при жизни был личностью», — таким эмоциональным утверждением закончил свое выступление ученый.

Председательствовавшая на Ученом совете И. М. Семашко, завершая мемориальную часть совещания, говорила об искренней любви, которую испытывали к Сергею Александровичу не только его ученики, но и все, кто соприкасался с ним в работе и в личном общении. Может быть, молодежь стеснялась напрямую выражать свои чувства, но они становились зримыми каждый раз при праздновании очередной «круглой даты» в жизни профессора: как много людей собиралось тогда, какое царило праздничное оживление, какие содержательные, веселые и остроумные «капустники» создавались в его честь!

В конце заседания присутствовавшие получили приятный сюрприз — прозвучал в магнитофонной записи голос самого Сергея Александровича: в домашней беседе речь зашла о мусульманском празднике — обряде Шахсей-Вахсей. Сергей Александрович разъяснял сущность шиизма и суннизма, соотношение Корана и сунн. Как это похоже на него: обычная беседа за чайным столом вдруг развернулась в целую занимательную для всех лекцию.

На Токаревских чтениях, происходивших под председательством С. А. Арутюнова, было прочитано 12 докладов. Первое слово получил внук Сергея Александровича — Андрей Александрович Токарев — историк-африканист, преподаватель Военного университета (Москва). Он докладывал об «особых» (по его определению) отношениях португальских колониальных властей с некоторыми племенами Анголы (главным объектом исследования было выбрано племя *байлундо*).

И. А. Морозов (Государственный республиканский центр русского фольклора. Москва) посвятил свое выступление проблемам игры в календарной обрядности. Напомнив слушателям, что в серийном издании «Календарные обряды в странах Зарубежной Европы», подготовленном под руководством С. А. Токарева⁵, игровым сюжетам уделено немало внимания, он развернул свое видение игры как явления культуры (вопреки обыденному пониманию ее как детской забавы). Он охарактеризовал игровые формы поведения на примере калядования. По мнению докладчика, в рождественском прославлении Христа («хождение со звездой») не просматривается противопоставления христианскому ритуалу, как это обнаруживается в пародийной погребальной игре с ее шуточным подражанием церковным текстам. Была отмечена связь игры и эротики, например в инициальных обрядах. Докладчик считает необходимым различать игру-обряд и игру-ритуал, которые несут различные функции. Методологически этот вопрос, по его мнению, еще недостаточно разработан.

Далее выступали сотрудники Института этнологии и антропологии РАН. В докладе И. С. Кызласовой «Обряды, завершающие свадьбу», построенном на полевых материалах автора по Рязанской обл., были рассмотрены виды обрядовой пищи, которые оформляли окончание свадебного пира. Практически все блюда этой категории (их называют «разгонник») тесным образом связаны с аграрными культами, поэтому имеют аналогии в аграрно-календарной обрядности. Например, каши — такие же, как и те, что подаются на крестинах, поминках и дожинках; таковы куски поросятини, гусятини, курятини — все, что является символом изобилия и напрямую связано с обрядовой жертвой; пирог с запеченной курятиной, каравай с воткнутыми в него фигурками птичек — это переход от мясной жертвы к хлебной, а пирог, украшенный фигурками людей из теста, — прямое подражание городским пряникам.

К. В. Цеханская касалась бытования икон в русской культуре: речь шла об иконопочитании; по существу место, где располагались иконы в жилом доме, будь то крестьянская изба или царские палаты, являлось домовою церковью; с молитвой день начинали и кончали. Домовые церкви становились зачастую приходскими, примеры таковых были названы докладчиком.

Доклад И. М. Денисовой и А. Ю. Стишевой «Ритуалы, связанные с яйцом, в весенних календарных обрядах у русских» основывался на полевых исследованиях авторов 1992—1994 гг. на Русском Севере. Выявлены половозрастной состав участников и своеобразие семантики обрядов, в ходе которых производились различные манипуляции с яйцами: катание, битье, «зятиева неделя», обряд первого выгона скота и др. Замечено, что на Русском Севере в отличие от Центральной России в ритуальных играх с яйцами участвовали преимущественно мужчины. В докладе было уделено внимание особенностям обрядов в этнокультурной зоне (финно-угорско-славянской) на территории бывшей Олонецкой губернии.

В докладе О. В. Курило «Церковные праздники лютеранского населения России (XIX—XX вв.)» были поставлены проблемы различных форм религиозного синкретизма (дохристианских верований с христианским верованием, лютеранской праздничной традиции с православной), с одной стороны, и специфики праздничных обычаев лютеран различных этнических и субэтнических групп — с другой. В докладе отмечались особенности лютеранской праздничной традиции (аскетизм, утилитаризм, определенный прагматизм). В заключении доклада говорилось о возрождении Евангелическо-лютеранской церкви в России и отмечалось оживление традиции церковных праздников у лютеран.

К серии выступлений на религиозно-этнографические сюжеты (что вполне закономерно в чтениях, посвященных памяти Токарева) примыкает доклад С. Г. Федоровой «Вклад православных миссионеров в изучение этнографии Русской Америки». На Алеутских о-вах и на Аляске россияне начали появляться с середины XVIII в. Первые десять православных миссионеров, в большинстве — иноков Валаамского монастыря, прибыли на о-в Кадьяк в 1794 г. С помощью ранее принявших православие коренных жителей они приступили к проповеди христианских догматов и одновременно изучали историю, куль-

туру, традиции и обычая алеутов, эскимосов, индейцев. Они стремились также смягчить колонизационную практику Российско-Американской компании, использовавшей труд аборигенов для добычи пушнины. Источниками для изучения этнографии этого региона служат отчеты главы миссии архимандрита Иоасафа (Болотова), «Записки» архимандрита Ювеналия (бывшего горюго инженера Говорухина), письма о Германа, «Записки» иеромонаха Гедеона (Федотова) — участника Первой русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Нева». Священник Уланашкинской церкви Иоанн Вениаминов (позже — Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский) составил «Записки об островах Уланашкинского отдела», словарь алеутского и тлинкитского языков, грамматику и букварь алеутского языка. «Записки» миссионера Невцетова в переводе на английский язык были изданы в США в 1980 и 1984 гг.⁶

Во многих своих работах С. А. Токарев обращался к типологизации систем родства. О его вкладе в эту область этнографических знаний напоминала Л. В. Маркова. Сергей Александрович твердо придерживался точки зрения о социальной обусловленности терминов родства, которая в первой половине XX в. разделялась далеко не всеми специалистами. Он подчеркивал изменчивость семантики терминов, их эволюцию в сторону индивидуализации. Поставив в самом заглавии своего доклада вопрос «Постоянны ли критерии для типологизации систем родства?», Л. В. Маркова поделилась своим опытом построения типологии систем родства южных славян на основе анализа межличностных связей. Именно они приобретают основополагающее значение в многоуровневой структуре родственных отношений классовых обществ. Широко практикуемая типология систем родства на основе известных признаков, впервые избранных Л. Морганом и Э. Тэйлором применительно к родовым обществам, малопродуктивна для более поздних эпох. Л. В. Маркова обратила также внимание на закрепление части родственных терминов в культурной и языковой традиции после утраты ими социальной актуальности и выразила сомнения в возможности создать общую типологию систем родства, ибо их формирование зависит от многих конкретных условий.

Интересы С. А. Токарева были очень широки. Авторы докладов об этнографии отдельных народов Европы и Азии начинали свои выступления с воспоминаний о научной помощи и моральной поддержке, которую оказывал ученый начинающим специалистам в поисках своего места в самых различных областях науки. Выступление Н. Г. Деметр называлось «Цыгане и С. А. Токарев». К. Ю. Мещков рассказал о некоторых чертах культуры аготов (или коготов), которых он назвал «загадочным по происхождению и мало известным народом». Это, очевидно, этносоциальная общность, расселенная на севере Испании (в Наварре) и на юге Франции, а также в Бретани. Аготы обладали самым низким социальным статусом, стояли вне общины земледельцев, были заняты на черной работе, не участвовали в общественной жизни, одним словом были своего рода «неприкасаемыми». После Великой французской революции были уравниены в правах со всеми гражданами, но фактически только в 1960-х гг. сегрегация постепенно сошла на нет.

А. Н. Лескинен поделилась результатами изучения «домов холостяков» у народов Восточного Индокитая. Эти дома — средоточие общественной жизни: здесь устраивают пир по случаю рождения ребенка, проводят свадебные церемонии, собираются в день похорон, вершат суд. Здесь же живут по нескольку дней молодые люди, проходящие обряд инициации, а в обычное время проводят досуг и ночуют юноши, а иногда и девушки.

С весьма оригинальным докладом «Архетипы человеческого тела» выступил Я. В. Чеснов. Была поставлена совершенно новая проблема ментального облика человеческого тела, который, по мнению докладчика, различается по историческим эпохам и по этническим культурам, а все это очень важно для научных понятий о витальной жизнедеятельности и этнических стереотипах поведения.

Все выступавшие и в мемориальной части заседания, и на Токаревских чтениях сходились на одной главной мысли: Сергей Александрович Токарев — классик этнографической науки (хотя он не получил высокого звания академика, за что научная общественность в долгу перед памятью ученого). Его труды должны стать всеобщим достоянием, а для этого надо собрать и опубликовать все его работы, разбросанные в разных изданиях. Токаревские чтения должны стать регулярными. Для объединения двух неразрывно связанных сторон научной деятельности — научно-исследовательской и образовательной — основать этнологический колледж (таково было предложение А. А. Белика, на которое С. А. Арутюнов отозвался предложением продумать систему участия научных сотрудников в преподавательской деятельности, которая в те времена, когда работал С. А. Токарев, широко практиковалась, а позже была прервана по бюрократическим соображениям). Были внесены также предложения учредить премию имени С. А. Токарева, токаревские стипендии для студентов и аспирантов, и наконец, переименовать

улицу Дмитрия Ульянова, на которой долгое время жил и работал в Институте этнографии Сергей Александрович, в улицу профессора Токарева.

Ю. В. Иванова

Примечания

¹ Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке. М., 1995. Изд. Ин-та этнологии и антропологии РАН/Отв. ред.-сост. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. 313 с.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 157.

⁵ Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973; Календарные обычаи... Весенние праздники. М., 1977; Календарные обычаи... Летне-осенние праздники. М., 1978; Календарные обычаи ...Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.

⁶ Некоторые «Записки» православных миссионеров включены в сборник документов: «Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев». М., 1994.